

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Начала Революции

Михаил Бакунин

Весна-лето 1869

Весна-лето 1869, Женева

«Quae medicamenta non sanant, ferru, sanat,
Quae ferrum non sanat, ignis sanat».

(Чего не излечивают лекарства, излечивает же-
лезо,

Чего не излечивает железо, излечивает огонь).

Гиппократ.

Михаил Бакунин
Начала Революции
Весна-лето 1869

IISG, также, Драгоманов "Письма Бакунина к Герцену и
Огареву", Приложение.

ru.anarchistlibraries.net

Мы понимаем Революцию, как переворот радикальный, как замену всех без исключения форм современной Европейской жизни другими, новыми, совершенно противоположными. Если все существующие формы дурны, то совершенно новые могут произойти только тогда, когда от разрушения не уцелеет ни одна из них; то есть, совершенно новые формы жизни могут произойти только из совершенной аморфности. В противном случае, то есть если

убережется несколько, даже хотя одна старая форма – значит уцелеет зародыш прежних форм и возможность ему в будущем пышно разрастись, – значить изменение будет только кажущееся и временное, а жертвы и кровь, ценой которых, куплено изменение, будут потрачены даром. Такие кажущиеся изменения производились подлой знатью до сих пор во всех странах. Государственники, закрываясь тем или другим мишурно-либеральным костюмом, водили опьяненные речами толпы на кровавый бой и потом, после победы, среди трупов, павших за мнимую свободу, устраивая новые виселицы и эшафоты, на которых казнили уцелевших братьев-революционеров и восстановляли таким образом снова прежние гнетущие условия. Честолюбцы пользовались всегда народным недовольством и озлоблением для удовлетворения честолюбия. Революционеры и демократы в начале, они становились деспотами в конце; брошенный народ, лишенный организации, уступал сплоченной массе войск. Таким образом настоящей революции не было еще у народов, (у одного народа ее и быть не может, она может начаться только в одной стране, но приведена к концу должна быть вместе всеми). Для настоящей революции нужны личности, не во главе толпы стоящие и ей повелевающие, а скрытые незаметно в самой толпе, и незаметно связывающие посредством себя одну толпу с другой, дающие также незаметно одно и то же направление, один дух и характер движению. Такой только смысл имеет ведение тайной подготовительной организации и, настолько она необходима. Деятели настоящей народной революции, как только выработает их жизнь, заявляют о себе фактически, сплачиваются и организуются во время самого дела. Долгая подпольная работа, разъединенная с фактической деятельностью, нередко наполняла ряды людьми несостоятельными, поддававшимися обстоятельствам при первых, напоре. Чем ближе ко времени истинно

народного движения, тем реже встречается раздвоение мысли и дела. Глубже проникнутые революционной идеей, поколения, предшествующие перевороту, заключают в среде своей личностей, не могущих удерживать страсти разрушения до наступления всеобщей борьбы, быстро отыскивающих врагов и не задумывающихся над их уничтожением. Сперва, как бы исключительные события, называемые современниками поступками фанатизма или исступления, они должны чаще и чаще повторяться в разных формах, перейти потом как бы в повальную страсть молодежи, и наконец, во всеобщее восстание. Это естественный путь... Истребление высоко поставленных лиц, в которых воплощаются правительственные формы или формы экономического разложения, должны начаться с единичных деяний. Далее эта работа будет облегчаться; по мере того, как будет увеличиваться паника того слоя общества, что обречен на погибель. Дела, инициативу которых положил Каракозов, Березовский и прочие, должны перейти, постоянно учащаясь и увеличиваясь, в деяния коллективных масс, в роде деяний товарищей Шиллерова Карла Моора, с исключением только того идеализма, который мешал действовать, как следует, и с заменой его суровой, холодной, беспощадной последовательностью. Все таковые коллективные деяния молодежи быстро должны принимать все более и более народный характер от прилива озлобленных, ничего не щадящих народных сил.

Понятие революции заключает в себе, относительно времени, два совершенно различные факта: *начало*, время разрушения существующих общественных форм, доведение их до аморфности, и *конец*, созидание, то есть образование совершенно новых форм из этой аморфности. Следуя одной из тех дряхлых классических истин, что начало есть абсолютно не конец, хотя незаметно переходит в него, – разрушение абсолютно не есть созидание и с ним

не совместимо. Дилетанты или филисты науки, сытые мудрствователи доброго старого времени, в борьбе с идеями всеобщей революции, писали длинные рассуждения на одну и ту же тему: «Нельзя разрушать, не имея строго выработанного плана постройки». Они, как бы забывали, что все те благородные, святые личности, задавшиеся идеями о новой жизни, что думали воспроизвести мирным путем в существующем лучшие формы, в виде опыта, были во всех странах преследуемы, гонимы, подвергались страданиям и мукам. И, что после миллионов жертв, мы дошли до убеждения о том, что только насильственный переворот, борьба на жизнь и на смерть между наслаждающимися и угнетенными, обновит, искаженный мир... Наше первое дело – борьба, холодная, ожесточенная; наша цель – полное разрушение всех стесняющих уз. Не говоря о лжецах по профессии, подлых трусах, служителях деспотизма, нанятых отстаивать в литературе и науке существующий строй; мы знаем людей, чистосердечно измышляющих планы лучшей общественной жизни. Они знают хорошо, что ни на одно изменение, противное правительству, не может быть испрошено соизволение правительства, знают, что выгоды правительства радикально расходятся с выгодами народа; понимают, знают, что нужно все взять силой и... все-таки измышляют, измышляют, черт знает для кого и на что; так как материал для измышлений берется из существующих гадких условий, то все выходит одно и то же – та же гадость. Целые десятки, сотни лет эти глупые люди набивали себе брюхо народным добром и все измышляли чепуху; писали целые тома, из томов составлялись библиотеки, это перечитывалось молодежью и снова переходило на бумагу. Так дошла до нашего времени куча разных прав человека-раба, сбор философских систем человека суевера, систем одна другую породивших и одна другую пожравших, и прочие и прочие и все это зовется

силу и идти безостановочно по дороге разрушения. Здоровый, не испорченный мозг молодежи должен понять, что гораздо человечнее резать и душить десятки, много сотни, ненавистных людей, чем участвовать с этими людьми в систематических *законных* убийствах, мучениях и терзаниях миллионов мужиков, как участвуют более или менее непосредственно наши чиновники, наши ученые, наши попы, наши купцы, словом все сословные, гнетущие всех бессословных!... Пусть же все здоровые молодые головы принимаются немедленно за *святое дело* истребления зла, очищения и просвещения Русской Земли, огнем и мечем, братски соединяясь с теми, которые будут делать то же в целой Европе.

наукой... Гадко... Итальянские мужики начали настоящую революцию; они жгут все бумаги – если овладеют городом! Таковое истребление должно быть везде. Мы говорим: полное разрушение несовместимо с созданием, и потому должно быть исключительно абсолютно едино. Данное поколение должно начать настоящую революцию, начать полное изменение всех условий общественной жизни, то есть данное поколение должно разрушить все существующее сплеча, без разбора, с единым соображением «*скорей и больше*». И так как данное поколение само подвергалось влиянию тех отвратительных условий жизни, против которых восстает, то этому поколению не может принадлежать дело созидания, дело тех чистых сил, которые выработаются в дни обновления. Мы говорим: мерзости современной цивилизации, в которой мы выросли, лишили нас способности устраивать здание Рая будущей жизни, о которой мы можем иметь только туманное представление по понятию противоположности гадостям существующего!... Для людей начавшегося практического дела революции мы считаем всякие рассуждения об этом туманном будущем *преступными* потому, что они мешают чистому разрушению, задерживают ход начала революции, а следовательно, отдаляют ее конец. Во время дела практического – это бесплодное растление ума, онанизм мысли. И так, по закону необходимости и строгой последовательности, мы должны отдаваться безраздельно разрушению, постоянному, безостановочному, неослабному, идущему крещендо до тех пор, пока не останется ничего из существующих общественных форм для разрушения. Не конспирация наша задача, а борьба фактическая с первого шага. Все что можно назвать годным для дела *обновления* Русской Земли, вырастает из этой борьбы. Будет расти борьба, будут расти и наши силы!... Отсюда ненависть к покою, в ком бы и в чем бы он ни проявлялся!... Мы должны нарушать этот тлетворный

общественный сон, эту монотонность, эту апатию всеми средствами!... Мы верим только тем, что фактически заявляют о своей преданности делу революции, не боясь ни пыток, ни заключений, потому мы отрицаем все те слова, за которыми немедленно не следует дело. Бесцельная пропаганда, не задавшаяся определенно временем и местом для осуществления целей революции нам более не нужна!... Мало того, она мешает нам, и мы будем всеми силами ей противодействовать!... Мы хотим, чтобы теперь говорили только дело, чтобы ум не путался в словах празднословия; чтобы тон полемики, журнального задора не растлевали характеры, не порождал новых говорунов, и не отвлекал на пустяки внимания, которому необходимо теперь сосредоточиваться на важном деле. Всех говорунов, кто не захочет понять этого, мы заставим замолчать силой!... Мы разрываем связь со всеми политическими эмигрантами, которые не захотят вернуться на родину, чтобы встать в наши ряды; а пока эти ряды еще не видны, – со всеми, которые не будут содействовать их открытому выступлению на сцену Русской жизни. (Исключения для тех эмигрантов, которые уже заявили о себе, как о работниках Европейской революции). Мы обращаемся теперь в первый и последний раз, ко всем оппозиционным элементам Русской жизни и призываем их к делу практическому тотчас же. Пусть заявляют о себе в борьбе всем своим людям и пусть во имя дела тесно смыкаются с нами во время дела. Далее повторений и возвзаний от нас не будет. Имеющий очи и уши увидит и услышит деятелей, и если не примкнет к ним, не наша вина в его гибели, как не наша вина, если все, что будет прятаться за кулисами, из трусости или из подлости, будет раздроблено равнодушно, без сожаления вместе с этими кулисами. Не признавая другой какой-либо деятельности, кроме дела истребления, мы соглашаемся, что формы, в которых должна проявляться эта деятель-

ность, могут быть чрезвычайно разнообразны. Яд, нож, петля и тому подобное!... Революция все равно освящает в этой борьбе. Итак, поле открыто!... Жертвы указывают на нескрываемым народным негодованием! Пусть же все честные, свежие головы воспрянуть для обновления жизни после столетних растлений. Пусть омрачатся последние дни общественных пиявиц! Вопли страха и раскаяния раздадутся в обществе, тряпичные литераторы будут испускать лирические стоны. Обращать ли на это внимание!?... Нет!... Мы должны оставаться глубоко равнодушными ко всем этим завываниям и не входить ни в какие компромиссы с обреченными на гибель. Это назовут терроризмом!... Этому дадут громкую кличку! Пусть, нам все равно! Мнением их мы не дорожим. Мы знаем, что в целой Европе не живет спокойной гражданской жизнью ни один честный человек, и ни один честный человек не может, не кривя перед справедливостью, кинуть нам упрек. От литературы современной, которая вся состоит из доносов да лести, от литературы продающей себя, мы не должны ждать ничего, кроме гадости и сплетен. Интересы современной, реальной науки, есть интересы царя и капитала, которым она исключительно служит исключительно потому, что до сих пор ни из одного открытия не сделано прямого приложения к народной жизни; все открытия или эксплуатированы барством, дилетантами, торгашами, или приоравливаются на увеличение военных сил. Вся изобретательность учащихся направлена в сторону не народную, и потому интересы этой реальной науки не есть наши интересы. О науке социальной нужно ли говорить! Кто не знает десятков дорогих имен, усланных в Сибирь, или на поселение, за то, что думали честным словом горячего убеждения восстановить права людей. Их пылкие, исполненные веры и любви, речи прекращались грубой силой... Данное поколение должно само образовать ничего нещадящую грубою